ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Бабюк Максим Иванович, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и экономики СМИ, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; e-mail: mbabyuk@yandex.ru, ORCID 0009-0007-1766-3483

К ВОПРОСУ ОБ ЭТАПАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ В 1920-е гг.

В статье рассматриваются основные этапы хозяйственного развития советской печати в 1920-е гг. На основе анализа существующей теории, уже введенных в научный оборот архивных документов утверждается, что периодизация экономического развития советской прессы в 1920-е гг. может быть скорректирована относительно принятых в отечественной историографии рамок ее развития в период нэпа. Совокупность доступных данных позволяет выделять три основных периода хозяйственного развития периодической печати. Первый из них, начавшийся после перехода Советской России к нэпу, характеризовался глубоким кризисом печати, продлившимся почти до конца 1922 г. Его сменил период бурного роста отрасли, детерминированный эффектом «низкой базы» и активизацией внутреннего рынка в стране. Однако этот рост быстро исчерпал себя экономически, а главное, характер этого развития входил в противоречие с политическим вектором развития страны. После 1925 г. система печати начала перестраиваться: этап перехода к плановой экономике растянулся до начала 1930-х гг. и сопровождался постепенным сворачиванием рыночных отношений в отрасли.

***Ключевые слова**: 1920-е гг., периодизация развития прессы, периодическая печать, нэп, хозяйственные аспекты работы печати.*

Как цитировать: *Бабюк М. И.* К вопросу об этапах экономического развития советской печати в 1920-е гг. // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2025. № 1. С. 94–129. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.1.2025.94129

Maksim I. Babyuk, PhD in Philosophy, Associate Professor at the Chair of Mass Media Theory and Economics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: mbabyuk@yandex.ru, ORCID 0009-0007-1766-3483

PERIODIZATION OF THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE SOVIET PRESS IN THE 1920S

This study addresses the issue of periodization of the economic development of the Soviet press in the 1920s. It is traditionally argued that the New Economic Policy marked a distinct stage in the development of the Soviet press, characterized by greater political freedom and liberal economic policy. Based on the analysis

of archival documents, the author argues that the economic development of the Soviet press in the 1920s was complex and the established chronology does not fully capture its dynamics. The author identifies three main stages of the economic development of the Soviet mass media in the 1920s, which do not completely coincide with the NEP period. The first stage began in December 1921 with the liberalization of the printing market. It lasted until late 1922 and was marked by a severe crisis in the press industry. It was replaced by a period of rapid yet chaotic development that lasted until mid-1925. During this period, the Soviet press showed a significant increase in production and financial indicators, which, however, turned out to be constrained by limited resources and did not meet the political objectives of the Soviet government. Thus, in the second half of 1925, the third stage commenced – the transition to a planned economy, which continued until the early 1930s.

***Key words**: 1920th, periodization of press development, press, NEP, media economics.*

To cite this article: Babyuk M. I. (2025) K voprosu ob etapakh ekonomicheskogo razvitiya sovetskoy pechati v 1920-e gody [Periodization of the economic development of the Soviet press in the 1920s]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika 1*: 94–129. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.1.2025.94129

DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.1.2025.94129

Введение

Вопрос периодизации развития советской системы массовой коммуникации, несмотря на длительную историю ее исследований, до сих пор остается дискуссионным. Ключевые параметры этой периодизации были очерчены еще в советский период, и потому она основывалась на идеологических принципах, которые закладывались в советскую историческую науку. В постсоветский период ее коррекции также не произошло, поскольку исследователи были сфокусированы на более конкретных вопросах.

Отдельные положения советской периодизации истории СМИ требуют пересмотра, в частности, в отношении экономического развития системы советской печати периода 1920-х гг. Анализ хозяйственных процессов в рамках этого небольшого периода показывает, что общепринятая периодизация не всегда качественно описывает происходившие процессы.

«Нэповский» период развития периодической печати в отечественной историографии традиционно датируется 1921–1927 гг. Однако такой подход представляется упрощенным, поскольку с экономической точки зрения начало периода и его окончание было сдвинуто относительно общей логики развития новой эко-

номической политики в стране. Да и внутри периода можно выделить несколько качественно разных этапов, когда экономика системы периодической печати по разным причинам приобретала новые векторы развития.

К постановке проблемы. Эмпирическая база и методика исследования

Необходимость уточнения периодизации этапов хозяйственного развития советской периодической печати становится очевидна даже при самом поверхностном анализе процессов, происходивших в 1920-е гг. Уже сам перевод печати на хозрасчетные отношения, ставшие маркером перехода к нэпу, состоялся только на рубеже 1921–1922 гг. Да и внутри периода было несколько этапов, начало и конец которых определялись как юридически закрепленными политическими мерами, так и динамикой хозяйственных процессов.

При этом существующие теоретические источники либо достаточно скупо освещали динамику хозяйственных процессов в отрасли, либо фокусировались только на первой половине десятилетия. Так, уже в 1920-е годы был создан достаточно большой корпус исследований, в которых в той или иной мере оценивались этапы развития печати в течение первых лет нэпа (Вардин, 1924; Мещеряков, 1922; Нюрнберг, 1925; Срединский, 1924; Тавровский, 1925). Это были, как правило, работы высокого качества, которые, однако, писались, что называется, «в моменте», без возможности оценки периода в целом, и к тому же в той или иной мере они подчинялись требованиям идеологии. К тому же по ряду причин теоретическое осмысление хозяйственного развития советской печати после 1925–1926 гг. было преимущественно свернуто, став достоянием закрытых ведомственных отчетов. В более поздний советский период была принята вполне каноническая историография периода, где хозяйственные процессы не отделялись от других элементов развития печати, а те, в свою очередь не отделялись от политических процессов в стране в целом (Кузнецов, Фингерит, 1972; Овсепян, 1991). Причем в той или иной мере такая периодизация применялась и западными исследователями, работавшими над проблематикой советского агитационно-пропагандистского комплекса (Брандербергер, 2017).

Уже в постсоветский период, несмотря на сохранение общей логики периодизации развития советской печати в период 1920-х гг. (Жирков, 2021; Овсепян, 2005), целый ряд исследователей, зани-

мавшихся проблематикой развития печати 1920-е годов начали массово обращаться к иной периодизации, которая позволяла бы лучше объяснить происходившие локальные процессы (Гольдфарб, Гимельштейн, 2006; Грик, 2016; Петров, 2009; Попова, 2001). Такое достаточно масштабное обращение к различной хронологии указывает как на подвижность процессов в области развития печати и других медиа в 1920-е годы, так и требует, в какой-то мере коррекции периодизации применительно к отдельным (в т. ч. хозяйственным) процессам.

Работа автора с открытыми источниками, а также с многочисленными архивными данными позволяет скорректировать периодизацию развития хозяйственных процессов в отрасли.

Эмпирической базой для ее формирования стали данные, собранные из нескольких групп источников. К первой относятся нормативно-правовые акты, принимавшиеся в Советской России и СССР в 1920-е гг. и ставшие основанием для этапных изменений в отрасли[1], а также материалы съездов и пленумов партии, заключения контрольных органов о состояния печати в стране и другие документы[2].

Другой, более объемной группой источников стали документы советских органов управления и власти, а также советских издательств и объединений, хранящиеся в нескольких российских архивах. Причем показательно, что на характер периодизации хозяйственных процессов в печати указывает не только содержание этих документов, но и порядок их комплектования в архивных фондах.

В частности, по первой половине периода (1920–1924) важнейшим источником данных для нашей работы стали материалы Агитационно-пропагандистского отдела ЦК (Агитпропа), а также выделившегося из его состава Отдела печати ЦК РКП(б), хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). В фонде Агитпропа (Ф. 17. Оп. 60) хранится более 1 000 дел, содержащих документы по организации системы агитации и пропаганды в 1920-е гг. Далеко не все они посвящены вопросам хозяйственного развития печати, однако, поскольку Агитпроп в обозначенный период был ключевым органом курирования печати, содержащиеся в них данные играют важнейшую роль для понимания происходивших в отрасли процессов.

Другим фундирующим исследование источником стали документы Комитета по делам печати при Наркомате внешней и внутренней торговли СССР за 1925–1931 гг., хранящиеся в Россий-

ском государственном архиве экономики (РГАЭ. Ф. 7927). В фонде содержится более 250 дел. Поскольку Комитет по делам печати Наркомторга с 1925 г. замкнул на себе основные функции по хозяйственному управлению, организации и контролю за системой советской печати, эта документальная база представляется ключевой для понимания процессов второй половины 1920-х гг.

Наконец, еще одной группой источников стали документы советских органов власти, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). В целом ряде фондов архива (Совета народных комиссаров (СНК) СССР (Ф. 5446), Совета труда и обороны (СТО) (Ф. 5674), Наркомата рабоче-крестьянской инспекции (Ф. 374) и др.) хранятся различные документы по проблемам хозяйственного развития печати и других средств массовой коммуникации в 1920-е гг.

Основными методами работы стали критический анализ архивных источников, сравнительный анализ материалов и документов и соотнесение их с актуальными научными данными, а также метод периодизации. В последнем случае речь не идет о выделении полноценных периодов развития советской печати 1920-х гг. Имеется в виду выделение качественно обособленных этапов хозяйственного развития печати внутри двух разных периодов развития советской системы массовой коммуникации. После анализа массива фактических данных стало очевидно, что в хозяйственном развитии системы печати существовала своя логика, которая хотя и коррелировала с общими для страны политическими и экономическими процессами, но имела определенную авторномию и специфику развития. Разное качество этапов определялось совокупностью политико-экономических процессов в стране, а также системой решений и мер, принимаемых советской властью в области печати. При этом выделяемые нами этапы хозяйственного развития нельзя в полной мере экстраполировать на всю историю печати в стране.

Этапы развития системы печати в условиях 1920-х гг.

Анализ нормативной базы и документов ведомств позволяет выделить после перехода от военного коммунизма к нэпу и до конца 1920-х гг. как минимум три качественно разных этапа развития.

Сам переход к нэпу, состоявшийся весной 1921 г., для советской периодической печати оказался отложенным более чем на девять месяцев. Все это время отрасль жила в условиях военного

коммунизма. Фактически это был один период, который продолжался со второй половины 1918 по декабрь 1921 г. Несмотря на переход к нэпу, с марта по декабрь система периодики была на полном государственном обеспечении, а распространение печати в стране осуществлялось на безвозмездной основе.

Первый период развития экономики печати на возмездных началах, начавшийся с переходом печати на хозрасчет в декабре 1921 г., характеризовался системным кризисом в отрасли. Этот кризисный период по формальным признакам длился до августа 1922 г., после чего отрасль начала медленно восстанавливаться. Однако на практике кризис был преодолен далеко не сразу, а растянулся на достаточно долгое время. О выходе из кризисного состояния всей отрасли можно говорить несколько позднее, когда она начала выходить на устойчивый рост экономических показателей. Переломным в этом смысле стал 1923 г., когда крупнейшие советские печатные издания, роль которых в системе массовой коммуникации как в смысловом, так и в количественном отношении была ключевой, начали стабильно генерировать коммерческую прибыль, постепенно переходя от субсидирования к самоокупаемости (Бабюк, 2016; 2018). В региональных СМИ кризисные явления ощущались еще достаточно долго, а многие мелкие предприятия не могли существовать в условиях хозрасчета в течение всего периода 1920-х гг.

Соответственно, второй период, начавшийся в 1923 г., стал эпохой расцвета рыночных отношений в отрасли. К этому времени многие базовые проблемы советской экономики были решены, а налаживание логистики, производственных цепочек, бурное развитие рекламного рынка позволили предприятиям печати быстро наращивать производство и распространение продукции. В свою очередь, эффект низкой базы способствовал кратному росту тиражей, объемов распространения – бурному росту отрасли. Однако к середине 1925 г. потенциал роста был практически исчерпан – система уперлась в потолок своих технологических и экономических возможностей. Дальнейшее развитие без структурных реформ было проблематичным. Важнейшим фактором завершения этого этапа стали организационные и политические решения, которые способствовали как профессионализации, так и усилению контроля в отрасли и стали основанием для сворачивания рыночных отношений.

Третий период, начало которого по формальным признакам можно отнести к середине 1925 г., растянулся вплоть до начала 1930-х. Он носил переходный характер: сохранялись многие

хозяйственные рудименты нэпа, такие как частная печать[3] и реклама; хозрасчетные отношения продолжали играть существенную роль в деятельности государственных предприятий печати, вместе с тем большая часть рынка уже охватывалась плановым регулированием, формировалась целостная система государственной печати. В работе отрасли исчезала прозрачность, обусловленная публичным анализом ее эффективности, публикацией хозяйственных показателей и т. п. На XV съезде партии были приняты решения о локализации управления в профильных структурах при одновременном прекращении публичного анализа, а в начале 1930-х гг. были ликвидированы структуры Наркомвнешторга, выполнявшие роль органа управления для отрасли.

Общая характеристика этапов экономического развития отрасли

Системный кризис в отрасли и выход из него (1921–1922)

Окончание Гражданской войны сопровождалось усугублением социально-экономического кризиса в стране, который в полной мере коснулся и системы печати. В течение 1921 г. советская пресса еще продолжала выходить в прежних объемах. Переход к хозрасчету затянулся, поскольку не было единого подхода к пониманию характера развития печати. Более того, несмотря на переход к нэпу, в течение 1921 г. партийными органами предпринимались попытки улучшить положение печати методами периода военного коммунизма: в частности, показательна работа организованной весной 1921 г. при Агитпропе ЦК РКП(б) комиссии «по выработке мероприятий по улучшению печатного и издательского дела» под председательством Л. Д. Троцкого[4]. Отмечая кризисные явления в работе печати, комиссия стремилась оптимизировать функционирование существующей системы путем экономии и перераспределения ресурсов, сокращения тиражей, объединения изданий, закупки бумаги и т. п. при сохранении принципов военного коммунизма: например, весной 1921 г. было принято решение о полной отмене платы за произведения печати[5]. В этом был политический смысл, так как нэп неоднозначно воспринимался внутри самой партии (Валентинов, 1991: 28–35).

Однако государство не справлялось с задачей выпуска требуемых объемов печати. Логика развития новой экономической политики в течение 1921 г. привела руководство партии и правительство к осознанию необходимости изменения хозяйственного положения печати.

Суть изменений состояла, прежде всего, в попытке перевести прессу на самоокупаемость за счет отмены (или снижения) государственных субсидий и введения элементов рыночных отношений. Переход к новой системе начался в самом конце 1921 г., когда был принят ряд решений, которые привели к реформированию отрасли. Однако реформа не была цельной и продуманной: многие шаги не были системными, а, скорее, определялись практикой.

Юридическое основание реформы было заложено, прежде всего, декретом СНК РСФСР от 28.11.1921 «О введении платности газет»[6]. Этот документ при всей своей лаконичности радикально менял систему хозяйствования в печати. С 15 декабря 1921 г. государственные газеты должны были распространяться за оплату.

Декретом определялся порядок ценообразования на газетную продукцию. Розничные и оптовые цены должен был устанавливать фактический издатель, ориентируясь на два основных фактора: а) себестоимость издания; б) требования государства по скидочным программам для коллективных подписчиков из рабочих и служащих. Государство оставляло за собой право частичного дотирования печати путем выкупа части тиражей крупных газет.

Впрочем, в силу краткости документа и размытости формулировок масса экономических вопросов выносились за скобки. В частности, вопрос о возможной прибыли издательств и редакций хоть и был в целом увязан с себестоимостью, но не оговаривался конкретно: прибыль должна была быть «сообразной» себестоимости. Декрет не комментировал вопросы доходов от рекламы, которая вновь появилась на страницах газет и журналов, возможного субсидирования отдельных групп СМИ и т. п. На Наркомат просвещения возлагалась ответственность за подготовку инструкции по распространению печати в новых условиях. Все эти вопросы позднее решались в рабочем порядке и в достаточно вольной форме, в зависимости от положения на местах.

Несмотря на отложенный характер реформы, сложившаяся система печати оказалась не готова к новым условиям функционирования. Отсутствовали ресурсы, необходимые инструменты распространения, адекватный потребительский рынок и многое другое. И сами редакции советских и партийных изданий не могли работать в новых хозяйственных условиях. Сформировавшиеся в условиях военного коммунизма журналистские коллективы не имели элементарного опыта по организации рыночной деятельности. Все это привело к стремительному развитию кризиса печати.

В докладе управления периодической печати подотдела печати Агитпропа в июне 1922 г. указывалось, что за «с января по март количество газет сократилось на 421 (около 50%); в марте на 20 (около 5%); в апреле на 24 (около 7%) и в мае на 8 (около 21,5%)»[7]. Падение числа газет сразу на 50% за два месяца, вполне возможно, объяснялось номинальным характером существования многих местных и ведомственных изданий, однако почти на те же 50% обрушился и разовый тираж газет (Срединский, 1924: 9). Причем падение тиражей затронуло и ведущие советские издания. Так, разовый тираж «Известий ВЦИК» с декабря 1921 по февраль 1922 г. снизился с 275 до 147 тысяч. «Правда» упала с 200 до 70 тысяч, а «Труд» – со 150 до 50 тысяч[8].

Особенно сильно кризис затронул региональные, прежде всего уездные издания, наиболее пострадавшие от экономической разрухи. Документы ЦК РКП(б) за 1921–1922 гг. ярко демонстрируют характер этого кризиса. Так, после перехода печати на самоокупаемость, Агитпроп неоднократно занимался анкетированием местных органов, регулирующих работу печати. Фактически во всех анкетных материалах вне зависимости от региона отмечалось тяжелое материальное положение газет и журналов и убыточность большинства периодических изданий[9]. Процесс перехода на самоокупаемость повсеместно привел к дефициту бюджетов изданий[10]. Экономическая эффективность их варьировалась от «почти окупаемости»[11] до признания критического хозяйственного положения[12]. В разоренной стране сложно было ждать иного результата.

Справедливости ради необходимо отметить, что в разоренной стране сложно было ждать иного результата. Если рассматривать структуру доходов советских газет и журналов в первой половине 1920-х гг., то более 70% выручки редакции получали от реализации газеты в розницу и по подписке[13]. В условиях 1922 г. целый ряд факторов мешал редакциям получать доходы от продажи своих газет и журналов в розницу. В первую очередь это отсутствие на руках у населения финансовых накоплений. Во многих секторах экономики существовала натуральная оплата труда, а там, где заработная плата выдавалась деньгами, часто ее задерживали. Кроме того, раскрутившийся в 1921–1922 гг. маховик гиперинфляции подрывал и без того мизерную покупательную способность населения.

Еще одним фактором, тормозившим процесс перехода печати на самоокупаемость, оказалась сложившаяся в период военного коммунизма традиция бесплатного распространения газет. Потребители как в городе, так и в деревне не готовы были добровольно

переходить на платное потребление. «Газеты имеют сейчас мало подписчиков, т. к. деревня привыкла к бесплатному снабжению и не усваивает “новой политики”», – пишет заведующий агитационно-пропагандистским отделом Вятского губкома в Агитпроп ЦК партии[14]. Кроме того, не была налажена реклама газет и журналов среди широких масс, особенно крестьянских, составлявших львиную долю населения страны. Чаще всего отсутствовала гибкая система, предлагавшая рассрочку или кредит на газеты и журналы. В условиях разрушенной инфраструктуры одной из самых острых проблем оставалась логистическая. Газеты и журналы, особенно центральные, попадали в регионы зачастую с колоссальной задержкой, а то и вовсе терялись в пути[15].

В высших партийных кругах быстро сформировалось понимание невозможности государственного регулирования системы СМИ в условиях хозрасчета. Именно поэтому власти были вынуждены отказаться от идеи полностью свободного рынка. В течение короткого времени был предпринят ряд мер, необходимых для стабилизации системы печати.

В первую очередь был осуществлен частичный возврат к системе государственной поддержки. В начале 1922 г. был утвержден проект государственной сети газет РСФСР в количестве 232 единиц. Фактически это означало признание необходимости экономических и административных мер защиты наиболее значимых для политической системы изданий. А уже весной 1922 г. на XI съезде РКП(б) острый кризис печати был признан существенной проблемой. Резолюция о печати и пропаганде, принятая на съезде, содержала поручение ЦК партии немедленно принять меры для снабжения «советско-партийных газет денежными средствами и бумагой»[16]. Основой для преодоления кризиса стали меры государственной поддержки.

Прежде всего, это было выделение разовых и постоянных субсидий для обеспечения деятельности редакций. Причем единой программы дотаций не существовало и зависели они от возможностей партийных и советских органов на местах.

Другой важной мерой стала ресурсная поддержка печати. В условиях голода 1921–1922 гг. и тотального дефицита она выражалась в выделении продовольствия, помещений, необходимой техники и бумаги. В отдельных случаях губернские и уездные губкомы и парткомы оказывали и кадровую помощь, поскольку дефицит специалистов, судя по отчетам, был стабильно высоким.

Действенной мерой выхода из кризиса стало частичное переложение издержек печати на потребителей – в виде организации коллективной подписки. Причем каналов увеличения объемов распространения прессы, судя по документам, было несколько:

– организация добровольно-принудительной подписки на партийные газеты (центральные и региональные) для рядовых членов партии через партийные ячейки на местах[17];

– организация подписных кампаний на газеты и журналы среди промышленных рабочих через систему профессиональных союзов, выполнявших де-факто функцию коммуникации партии с рабочим классом. Причем здесь могли применяться различные методы – от проведения рекламных компаний до коллективной подписки с вычетом стоимости изданий из зарплат рабочих или организации сверхурочной работы в пользу выписки газет[18]. Характер данных кампаний можно было бы признать рыночным, но сама инициатива их проведения, а также характер принятия решений исходил не от потребителя, а от соответствующих партийных и профсоюзных ячеек[19];

– привлечение региональных предприятий.

В отдельных регионах к поддержке печати привлекались местные хозяйственные органы, которые либо помогали прессе финансово, либо участвовали в организации товариществ или кооперативов, созданных с целью ее продвижения[20].

Однако власти для поддержки и развития печати применяли не только административные, но и монетарные методы. Так, в частности, государство уже в 1922 г. вернулось к централизованному субсидированию печати, особенно газет и журналов центрального подчинения. Дотации эти были разного объема и не снимали с повестки дня необходимости выхода на самоокупаемость. Однако принятие положения о государственной сети газет обязывало органы власти осуществлять их финансирование. В частности, только на Украине осенью 1922 г. субсидировалось 28 газет[21].

Нельзя не упомянуть и о дотациях на местном уровне. Они были как следствием давления ЦК партии на местные партийные и советские организации, так и инициативой местных властей. В ЦК требовали усиленной работы местных партийных и советских органов с печатью, выделения помощи людьми и средствами. При этом поскольку экономическая ситуация в регионах была разной, то чаще всего финансовое положение печати зависело от местного субсидирования. Центральные партийные органы

старались контролировать эффективность и своевременность региональных дотаций. Этот контроль, впрочем, не гарантировал (особенно в 1922–1923 гг.) реальных дотаций для печати в регионах в силу сложной экономической ситуации. Статистика показывает, что в промышленно развитых регионах, менее затронутых Гражданской войной, урбанизированных и экономически наиболее эффективных, положение печати было наилучшим за счет поддержки от промышленности. В таких условиях газеты и журналы гораздо быстрее становились рентабельными.

Еще одним способом экономической поддержки стало кредитование изданий государственными финансовыми и производственными организациями. Наиболее часто встречающейся формой были государственные кредиты отдельным изданиям или издательским организациям для целевых нужд. В первую очередь к целевым нуждам относились затраты на бумагу, а также на типографские услуги и расходные материалы. В условиях дефицита и дороговизны эти статьи расходов зачастую составляли более 50% от себестоимости изданий[22]. Естественно, что при нехватке оборотных средств в кризисных и посткризисных условиях газеты и журналы часто не могли себе позволить своевременных предварительных закупок. Для аккумуляции у изданий финансов Госбанк выделял кредиты с рассрочкой возврата заемных средств.

Практиковалось также выделение издательствам кредитов со стороны трестов – производителей бумаги и расходных материалов. Казалось бы, получившие от государства самостоятельность в ведении дел, они должны были быть заинтересованы в стимуляции спроса со стороны печати. Однако некоторые документы Агитпропа ЦК партии 1920-х гг. доказывают, что производители предпочитали работать с оплатой по факту.

Оценить объем кредитных операций в первой половине 1920-х гг. крайне сложно ввиду отсутствия единого массива данных, однако косвенные сведения указывают на то, что кредитование печати была гораздо менее распространено, чем различные формы дотирования.

Наконец, нельзя не упомянуть о попытках государства стимулировать хозяйственную активность редакций и издательств в рамках свободного рынка за счет разрешения подсобной коммерческой деятельности. В течение 1922 г. начали активно формироваться многочисленные подсобные предприятия, задачей которых было повышение прибыльности за счет организации и предоставления рекламных, экспедиционных, торговых и других услуг[23].

Совокупность этих мер позволила стабилизировать рынок печати. Во второй половине 1922 г. увеличилось количество периодических изданий, выросли их тиражи. Однако даже к лету 1923 г. не удалось достичь докризисного уровня.

Любопытно отметить, что кризис 1922 г. привел к активному развитию частного рынка печати. Несмотря на бедственное положение отрасли, в крупных городах, прежде всего в Москве и Петрограде, в течение 1921–1922 гг. стали стремительно развиваться частные издательства. Так, в частности, в Москве осенью 1922 г., по данным Главлита, было зарегистрировано более 220 частных издательств, а в Петрограде – около 100 (Мещеряков, 1922). Конечно, эти цифры не отражают реальной ситуации, поскольку большая часть из них была либо только зарегистрирована, либо ограничилась выпуском какого-либо одного издания. Однако тенденция очевидна: даже в условиях кризиса, когда у государства не было возможностей или воли для удовлетворения потребностей рынка, он начинал стихийно заполняться частными структурами.

Таким образом, общий тренд развития отрасли в течение 1922 г. был, скорее положительным, однако восстановление системы печати во многом зависело от общих темпов восстановления экономики в стране. По мере выхода из кризиса пресса получала импульсы к хозяйственному выздоровлению. Этот процесс был неравномерным: его бенефициаром становились центральные издания, само нахождение которых в крупных политических и экономических центрах предопределяло максимальные возможности развития. Так, уже к концу 1922 – началу 1923 г. основные московские газеты, тиражи которых составляли 40–50% от общих по стране, вышли на ритмичное развитие и частичную или полную самоокупаемость. В несколько худшем положении была губернская печать. И совсем плачевным было положение местных изданий, которые во многих регионах были просто закрыты.

Восстановление отрасли (1923–1925)

Наметившееся уже во второй половине 1922 г. восстановление системы печати уже в 1923 г. переросло в хотя и не всегда равномерный, но устойчивый, а в чем-то и бурный рост. С точки зрения количественных результатов, отрасль в течение 1923–1925 гг. от-

метилась серьезным развитием, зачастую носящим беспрецедентный характер. Несмотря на сложную экономическую конъюнктуру, колоссальные ресурсные потери, которые понесла страна в течение череды войн и революций, по многим результатам советской системе печати удалось превзойти многие дореволюционные показатели.

Поскольку кратно выросло количество издательств[24], существенно увеличился выпуск газетной, журнальной и книжной продукции в стране. Количество, например, газетных изданий увеличилось незначительно (с 500 – весной 1923 г. до 622 – весной 1926), после чего наметилась даже тенденция к снижению. Однако по-настоящему взрывным стал рост тиражей: с 1,8 млн (ежедн.) весной 1923 г. до более чем 8 млн в 1926 г.[25] Более того, в материалах и исследованиях советской эпохи особенно отмечалось, что рост тиражей был существенным и относительно 1913 г. (Нюрнберг, 1925: 23), ставшего «эталонным» для оценки достижений советского народного хозяйства.

Примерно та же ситуация сложилась в области журнальной продукции. Общее количество наименований журналов достигло пика в 1924 г., после чего начало несколько снижаться. Однако тиражи неуклонно шли вверх[26].

Положительным аспектом этого процесса была децентрализация системы периодической печати: в условиях нэпа она стала несколько более диверсифицированной пространственно, поскольку советская власть уделяла большое внимание развитию региональной, крестьянской и национальной печати. По сравнению с дореволюционным периодом существенно бóльшая часть тиражей приходилась на региональные центры (Там же).

Параллельно развивались и смежные с производством и распространением газет и журналов области: увеличивались возможности полиграфического и бумажного производства, росло производство книг и книготорговая сеть.

Наконец, важнейшим аспектом развития отрасли в течение 1923–1925 гг. стало постепенное оздоровление ее хозяйственной деятельности. Шок от перехода на хозрасчет, не без сложностей, начал сменяться более-менее эффективной хозяйственной деятельностью. Уже в течение 1923 г. центральные советские и партийные газетные издательства, доля которых в производстве газетной и журнальной продукции составляла 50% от общей по стране,

сумели преодолеть последствия кризиса и начали выходить на самоокупаемость.

Таблица 1

Результаты хозяйственной деятельности центральных советских газет за январь–апрель 1923 г. (в совзнаках)[27]

Издание/ Статья	Правда	Известия ВЦИК	Рабочая Москва	Рабочая газета	Беднота	Гудок	Эконом, жизнь[28]
Доход	7 607 425,27	2 026 2971,42	3 749 910,09	7 325 149,93	3 578 794,21	5 761 159,18	8 604 124
Расход	6 955 507,27	15 877 553,90	5 424 092,37	7 025 768,78	2 938 004,98	4 331 877,27	7 298 019,72
Прибыль	651 918	4 385 417,52	-	299 381,15	640 789,23	1429 281,91	576 118,09
Убыток	-	-	1 674 182,28	-	-	-	-

Таблица 1 дает лишь приблизительное представление о работе крупнейших издательств, поскольку совзнаки ежемесячно обесценивались и суммированные цифры в пересчете на золотые рубли были не столь внушительными, однако очевидно, что уже в первой половине 1923 г. центральная печать как минимум была безубыточной и даже приносила существенные прибыли. Так, в частности, в апреле 1923 г. газета «Правда» при среднем разовом тираже 84 436 экземпляров принесла издательству 1 270 руб. 92 коп. чистой прибыли (в пересчете на червонные рубли)[29]. В ноябре 1923 г. при том же тираже – уже 12 091 руб. 26 коп.[30]

Гораздо медленнее шел процесс восстановления небольших региональных и ведомственных изданий, существенная часть которых в 1923–1925 гг. продолжала влачить жалкое существование. Они не могли тягаться с центральными газетами ни в плане привлечения рекламных объявлений, ни в реализации тиражей в условиях неразвитости экспедиционных мощностей и недостаточной покупательной способности населения. Так, например, в ноябре 1923 г. сотрудники Агитпропа ЦК РКП(б) констатировали, что «общее улучшение печати весьма слабо затрагивает уездную печать, в особенности крестьянскую ее часть. Уездная печать все еще находится на пути к стабилизации»[31]. Этот вывод касался и хозяйственной ситуации в изданиях. Впрочем, и этот сегмент прессы в хозяйственном плане постепенно обретал стабильность.

Ключевой причиной стабилизации и поступательного развития отрасли в этот период стало то, что в условиях нэпа начали эффективно работать рыночные механизмы функционирования печати. По мере восстановления промышленности и внешней

торговли предприятия печати получили возможность ритмично закупать бумагу и оборудование. Восстановление транспортной инфраструктуры в стране, а также реформирование системы распространения печати способствовали росту и расширению географии продаж. По мере стабилизации экономики в стране, издательства и редакции получили возможность получать прибыль от продажи изданий по подписке и в розницу, а также от рекламы.

Вместе с тем запуск рыночной экономики способствовал росту государственных доходов, часть которых была перенаправлена в сферу печати. Рост государственного и ведомственного финансирования – с учетом политической роли прессы – стал важнейшим фактором восстановления отрасли. В условиях недостатка или отсутствия у большинства издательств и предприятий капитальных и оборотных средств, такое субсидирование отчасти заменяло банковское кредитование или коммерческое инвестирование.

Сопутствующими факторами развития отрасли стали меры по стабилизации важных для печати сфер. Для снабжения бумагой, полиграфического производства и распространения печати были сформированы тресты, в составе которых аккумулировались доступные ресурсы. Эффективность этих крупных организаций была не всегда высокой, однако синергетический эффект вместе с другими мерами способствовал развитию системы печати.

Важную роль в процессе восстановления отрасли сыграла денежная реформа, обеспечившая стабилизацию валюты. Ходившие в Советской России с 1919 г. совзнаки после окончания Гражданской войны обесценились в миллионы раз и в 1922 и 1923 гг. были дважды деноминированы. Несмотря на то что в условиях нэпа они продолжали сильно терять в цене, такая стабилизация позволяла редакциям и издательствам осуществлять товарную деятельность в сравнительно нормальных условиях. А введение в конце 1922 г. параллельной твердой валюты – червонцев – не только стало основой для последующей стабилизации финансовой системы, но и позволило многим предприятиям печати в 1923–1924 гг., до прекращения эмиссии совзнаков, получать дополнительную прибыть от курсовой разницы валют.

Наконец, важным фактором развития стало упорядочение управленческих процессов в отрасли, возврат нормальной отчетности и документооборота, преодоление тотального хаоса в учете и контроле. Ситуация была настолько плачевной, что по 1921–

1922 г. у большинства издательств и редакций просто не было нормальной бухгалтерской отчетности[32].

Однако впечатляющий рост хозяйственных показателей печати в течение 1923–1925 гг., который современниками отмечался как существенное достижение (Нюрнберг, 1925 и др.), на практике вызывает много вопросов. Качество развития отрасли было невысоким, а достижения были достигнуты за счет целого ряда экстраординарных факторов.

В первую очередь бурный рост отрасли оказался связан с эффектом «низкой базы». Ситуация в период кризиса стала настолько плачевной, а потребность в печати настолько острой, что малейшая нормализация экономической обстановки уже стимулировала ее рост. Это касалось и роста потребительской базы, и появления в условиях нэпа рекламного рынка, стимулировавшего развитие печати.

Однако ключевым фактором, повлиявшим на количественное восстановление печати, стало активное участие государства. Говоря о достижениях советской власти в этой области, исследователь И. Нюрнберг в 1925 г. отмечал, в частности: «Мы имеем широко развернутую сеть крестьянских газет, чего не только не знало царское время, но чего не знает до сих пор ни одна страна в мире»[33]. С точки зрения формальных показателей этот сегмент печати динамично развивался (Тавровский, 1925: 110–111), но вместе с тем как показывает анализ документов, были проблемы не только с выходом на самоокупаемость, но и с выполнением основной функции – информирования сельского населения. Сотрудники Агитпропа ЦК РКП(б), обследуя в 1923–1924 гг. региональные издания, отмечали слабость и нежизнеспособность этого типа газет[34]. То есть фактически появление и развитие этого типа изданий обычно стимулировалось за счет государственного или местных бюджетов, а рост обеспечивался не свободным рынком, что было бы естественно при хозрасчете, а политическими причинами.

Такое положение касалось не только крестьянской печати. После кризиса 1922 г. советская власть активно стимулировала развитие и других сегментов – национальной, военной и других видов периодики. Так что общее увеличение количества журналов и газет не должно вводить в заблуждение: сравнение с 1913 г. по количеству изданий здесь было бы не совсем корректным.

Другим важным аспектом развития отрасли, способствовавшим не слишком «здоровому» ее развитию, стал, как ни странно, на-

бравший обороты с расцветом нэпа курс на «максимализацию прибылей» в редакциях и издательствах, который зачастую не имел ничего общего с поступательным развитием. Многие участники процесса, в том числе убежденные коммунисты и активисты, в условиях нэпа стали активно приспосабливаться к рыночным условиям, используя печать для извлечения максимальной, в том числе личной выгоды. Процесс этот был практически повсеместным и затронул многие сферы государственного строительства. Современные исследователи нэпа отмечают: «Повсеместно конфиденциальные партийные материалы пестрели сообщениями о разложении партийных рядов при неизбежном соприкосновении коммунистов на ответработе с нэпманской буржуазией, их связях с дельцами, дамами легкого поведения и т. п. публикой. Особенно подобное "припадение" к нэпу — тяга к роскоши, выездам, лакеям, бриллиантам, — получило распространение среди хозяйственных руководителей. Отсюда неизбежно следовало перенесение на предприятия приемов буржуазного хозяина, вплоть до обмана рабочих при подписании договоров, игнорирование профсоюзов и т. п.» (Павлюченков (ред.), 2002: 73).

В полной мере это разложение коснулось и предприятий печати. Документы разных контролирующих органов в течение почти всего периода 1920-х гг. фиксируют множество злоупотреблений, связанных с превышением полномочий, использованием служебного положения в ущерб государственным или редакционным интересам. Часто это было проявлением бесхозяйственности, а во многих случаях объяснялось увлечением избыточной коммерциализацией[35]. В документах ревизионных и контролирующих органов разного уровня, как центральных, так и региональных, встречались обвинения редакционных и издательских работников в заключении договоров в обход закона[36], необоснованном завышении цен на печатные материалы, причем даже в отношении партийных заказов[37], систематических выплатах зарплат и гонораров сотрудникам с нарушением закона[38] и во многих других злоупотреблениях.

Огромный объем злоупотреблений существовал на рекламном рынке. Он был связан с засилием посредников и агентов по рекламе, высокими комиссионными, нерациональной публикацией рекламы в партийной печати, наличием личных интересов[39].

Однако еще большей проблемой для работы отрасли была «бесхозяйственность», как ее называли в документах, то есть низкое

качество управления предприятиями печати и смежными структурами. Проблемы эти были системными и не сводились к отдельным недоработкам руководителей или работников. Общим местом для многих издательств, редакций или типографий было отсутствие нормальных долгосрочных производственных планов, хаотичность управления и ведения документации, плохая связь между отделами, раздутые штаты сотрудников[40]. К этому добавлялись проблемы с оборотными средствами и закредитованность предприятий[41], низкая эффективность коммерческой деятельности, выражавшаяся, среди прочего, в необоснованной выдаче кредитов и комиссий агентам, заключении невыгодных сделок по распространению и рекламе, в выпуске неликвидной продукции и многом другом[42].

Накладывалось это еще и на проблему низкой эффективности отраслей, обеспечивающих работу печати. Так, несмотря на рост производства отечественной бумаги, стоимость ее – в силу низкой производительности труда – существенно превышала стоимость бумаги, закупаемой за валюту. Качество также зачастую было низким. Это, конечно же, увеличивало издержки и без того проблемного производства печати.

Такие же проблемы существовали в области материально-технического снабжения печати. Оборудование для печати почти полностью импортировалось из-за границы, а большая часть сохранившегося с дореволюционных времен была в изношенном состоянии.

Наконец, система экспедирования, несмотря на существенное улучшение ситуации по сравнению с началом 1920-х гг., была развита плохо. Монопольные органы (типа Контрагентства печати) не всегда справлялись с доставкой прессы, что способствовало развитию экспедиций при многих крупных типографиях. Естественно, что такая децентрализации препятствовала качественному снабжению удаленных регионов страны. Ну и издержки такой системы были высоки.

Все эти проблемы в совокупности определяли общую логику развития отрасли в 1923–1925 гг. Ее развитие было энергичным, однако сдерживалось системными сложностями. В конечном итоге проблема сводилась не к низкому качеству управления или нехватке финансовых средств. Сама экономика нэпа после кризиса 1921–1922 гг. была низкоэффективной. Стихийный характер сложившегося рынка, а также вмешательство государства в его работу,

наложенные на недостаток ресурсов, отсутствие доступа отечественной экономики к нормальному рынку финансов не позволяли надеяться на бурный рост отрасли.

Система печати уже к 1925–1926 г. уперлась в потолок своих возможностей. Выразилось это в замедлении темпов роста в тех сегментах отрасли, где оно было ритмичным в течение предыдущих двух–трех лет при сохранении слабого и неустойчивого положения небольших региональных или нишевых изданий. Причем проблема оказалась комплексной и широко освещалась в профильных аналитических исследованиях того времени. Так, уже вышеупомянутый И. Нюрнберг, анализируя экономическое положение советской периодики, отмечал, что «в самом хозяйстве печати мы в настоящее время наблюдаем ряд затруднений, вызванных: 1) бумажным кризисом, 2) повышением типографских тарифов, 3) сокращением тиражей газет, 4) некоторым застоем в области книготорговли» (1925: 34). Л. Тавровский объяснял падение газетных тиражей к лету 1925 г. «отсутствием хозяйственного базиса, как то было с комсомольскими газетами, пережившими катастрофическое сокращение и слишком “зарвавшиеся” высокие тиражи, добытые путем кампаний-нажимов, а главное – запрещением по профсоюзной линии проводить на предприятиях кампании по коллективной подписке» (1925: 113–116). Такое положение дел с принудительной подпиской, стремлением безоглядно повышать тиражи и охват объяснялось массовой ориентацией печати на увеличение показателей выпуска, прибылей без учета реальной ситуации на рынке. Погоня за тиражами была инспирирована внутри самой партии. В частности, на XIII съезде партии в 1924 г. всерьез обсуждались планы по существенному увеличению тиражей крупных изданий[43]. Реальные возможности отрасли при этом не учитывались, что приводило к нездоровым перегибам даже в самых успешных издательствах[44].

Фактически речь шла о том, что экстенсивное развитие отрасли, основанное на использовании административного ресурса, господдержке, отсутствии конкуренции на восстанавливающемся рынке, себя исчерпало. А низкое качество организации и отсутствие существенных капиталовложений делало невозможным дальнейший динамичный рост отрасли. Причем кризис этот растянулся на последующие несколько лет, поскольку преодолеть его последствия без структурных реформ было невозможно. И конечно же, отраслевой кризис вполне укладывался в общие проблемы советской экономики середины 1920-х гг., что отмечалось в пар-

тийных документах[45]. Так что наметившиеся к лету 1925 г. политические и организационные решения по сворачиванию нэпа и переходу к плановой экономике объяснялись не только внутриполитической борьбой, но и необходимостью преодоления кризиса, обусловленного несовершенством новой экономической политики. Не в последнюю очередь эти решения коснулись и периодической печати, что в последующие годы вылилось в ее постепенную перестройку на новых экономических началах.

Переформирование вектора развития советской печати

Переход к плановым началам развития (1925–1929)

Период стабилизации системы печати и перехода ее к плановым началам наиболее сложен для современного анализа, поскольку именно в этот период существенно изменилась специфика оценки отраслевых изменений в документах и открытой печати того периода. От хаотичного, но регулярного аудита хозяйственной деятельности отдельных редакций и издательств, который регулярно преобразовывался в аналитику отдела печати ЦК РКП(б) или ГИЖа в публичных текстах, контролирующие органы перешли к более системному, но формализованному отраслевому анализу, результаты которого оседали в профильных архивах. Соответственно, после 1925 г. проблемные материалы по хозяйственному положению печати практически полностью исчезли из открытой печати, а в ведомственных оценках существенно поубавился объем жесткой критики системы. Наиболее информативными с точки зрения проблемных аспектов развития отрасли остались отчеты ревизионных органов. Однако особенность этих материалов состояла в их частном характере: как правило, речь шла о разборе проблем отдельных редакций и издательств.

Тем не менее сохранившиеся статистические материалы, решения регулирующих органов, заключения ревизионных комиссий, а также отчеты издательств дают достаточно материала для формирования выводов.

Изменения, коснувшиеся отрасли уже в 1925 г. и далее, были связаны с усилением роли государства, с попытками оптимизации работы отрасли: сокращение количества неэффективных или функционально избыточных органов печати, штатов в редакциях и на производствах, введение режима экономии в отрасли, отказ от наиболее одиозных форм работы.

Важным фактором изменений стал режим экономии, который постулировался как один из инструментов преодоления кризисов нэпа. Важную роль сыграло Постановление СНК «О режиме экономии» от июня 1926 г.[46], большинство положений которого непосредственно касалось печати. Например, от ведомств и организаций требовалось следующее: рационализация структуры предприятий, повышение производительности труда, дисциплины в сфере оплаты труда, сокращение непроизводственных расходов и многое другое. Отдельно в постановлении отмечалось, что для всех организаций с государственным участием необходимо упразднение непроизводственных расходов на печатные издания, сокращение расходов на рекламу и комиссионно-посреднический аппарат[47]. Последнее напрямую касалось системы печати, поскольку непосредственно затрагивало благополучие многих редакций и издательств.

Судя по данным контролирующих и ревизионных органов, режим экономии начал массово претворяться в жизнь. Это выразилось в сокращении штатов, непроизводственных расходов, в закрытии ряда малорентабельных изданий. Впрочем, процесс шел трудно, а проверки ревизионных органов зачастую вызывали возражения в издательствах, поскольку нарушения существующих правил были связаны с тем, что формальные требования законодательства не всегда учитывали сложность условий, в которых приходилось работать[48].

По результатам режима экономии регулировался и рынок рекламы, где количество злоупотреблений было зашкаливающим. Этот процесс растянулся на долгое время, однако наиболее вопиющие злоупотребления постепенно нивелировались по ходу упорядочения и централизации рекламного дела[49].

В целом же активное претворение в жизнь положений Постановления наряду с другими негативными тенденциями в отрасли способствовали корректировке количественных показателей в отрасли, снижению числа изданий и прекращению роста тиражей. В 1925–1927 гг. сократилось общее количество выпускаемых в СССР газет при общей стагнации (небольшом росте) тиражей.

Таблица 2

Газеты за время с 01.10.1925 по 01.08.1927 (по данным Отдела печати ЦК)[50]

Типы газет	На 01.10.1925		На 01.07.1926		На 01.08.1927		Изменение в % с 01.10.1925 по 01.08.1927	
	Кол-во газет	Тираж разовый	Кол-во газет	Тираж разовый	Кол-во газет	Тираж разовый	Кол-во газет	Тираж разовый
Руководящие	15	842 369	8	1 279 627	7	1 191 832	-53,2	+41,4
Профессиональные	18	705 980	14	727 843	10	791 727	-44,5	+12,2
Рабочие массовые	54	1 073 048	57	1 249 764	58	1 371 479	+7,4	+32,2
Крестьянские	143	1 677 930	125	1 608 580	107	1 491 262	-25,2	-11,2
Комсомольские/ пионерские	59	466 583	52	447 919	49	392 611	-17	-15,8
Военные	19	100 450	16	102 800	14	196 085	-26,4	+95,3
Кооперативные	16	70 322	13	79 759	8	110 492	-50	+57,2
Смешанные	-	-	83	446 474	77	521 435		
Экономические	н/д		13	158 675	9	118 633		
Прочие	108	1 488 078	н/д		н/д		-1	-19,4
Вечерние	-	-	4	248 213	6	307 349		
Специальные	-	-	17	292 990	10	252 254		
Национальные	170	673 371	209	935 154	201	938 588	+18,2	+39,4
Всего:	597	7 062 131	613	7 516 133	556	7 683 747	-6,9	+8,8

Как видно из таблицы 2, сократилось общее количество газетных изданий большинства типов. Исключение составили национальные издания, развитию которых в этот период уделялось особое внимание и экономическая целесообразность развития которых не стояла на повестке дня.

Что касается остальной прессы, то оптимизация коснулась как руководящих, так и нишевых изданий. Многие из них закрылись, или были слиты с другими изданиями, или переквалифицированы в более актуальные издания смешанного или специального типа.

Такое прореживание газетного рынка было следствием не только политических решений, но и низкой хозяйственной эффективности многих изданий. В частности, изменение правил распространения существенно подорвало хозяйственное положение многих из них. По этому поводу в Комитете по делам печати Наркомторга отмечалось, «что в 26/27 г. (“и в 25-26 г.” приписано от руки. – *Б.М.*), согласно постановлению директивных органов, газетные издательства принуждены были изменить методы рас-

пространения газет переходом от коллективной подписки к индивидуальной»[51]. Коллективная подписка часто обеспечивалась директивно и была способом обложения потребителей неформальным «налогом» на прессу, а потому даже частичный отказ от нее больно бил по многим изданиям, не имевшим ни нормальной базы для распространения, ни достаточного качества, чтобы заинтересовать массового читателя.

Примерно та же ситуация складывалась в системе журнальной периодики. Статистически, судя по всему, ситуация здесь была более запутанной, и реальное количество изданий контролирующие органы представляли себе слабо. Однако цифры Комитета по делам печати свидетельствуют, что журналов было «в 1924 г. – 1 278 с общим количеством номеров в 14 778; в 1925 г – 1 165 с общим количеством номеров в 15 479, в 1926 г. –1 130 с общим количеством номеров 17 549, в 1927 г. общее количество с 1 082 с общим тиражом 7 644 540 экз.»[52]. Эти данные приводились по РСФСР, однако все другие республики могли прибавить к журнальному фонду не более 20%[53]. То есть журнальная периодика в течение второй половины 1920-х гг. также постепенно сокращалась, то есть тенденция, за исключением опять же национальных изданий, была однозначной. «На 1927/28 г. надо ждать сокращение журнальной сети на 9–10%. Таким образом мы наблюдаем сильный рост национальных газет, а также рост в 27 г. национальных журналов»[54], – отмечалось в отчете Комитета печати Наркомторга на 1927–1928 гг.

В целом же о борьбе за оптимизацию работы печати, несмотря на широкий размах мероприятий, вряд ли можно говорить как о системообразующем явлении во второй половине 1920-х гг. Действенность принимаемых мер на практике оценить сложно. В частности, кампания по сокращению штатов, по документам прошедшая во многих крупных редакциях, оказалась краткосрочной. К концу 1920-х гг. многие крупные советские издательства нарастили количество персонала по сравнению с серединой десятилетия (Бабюк, 2018: 64). Борьба со злоупотреблениями при выплате заработной платы в рекламном деле во многих случаях дала положительные результаты, однако к концу периода и в этой области ревизионными органами фиксировались нарушения[55].

Однако суть изменений, которые пережила отрасль во второй половине 1920-х гг., сводилась не только и не столько к режиму экономии, сколько к реформе системы управления, существенному усилению роли государства в финансировании, а также упо-

рядочению работы предприятий с точки зрения систематизации и планирования.

К этому времени со стороны партийных и советских органов в восприятии нэпа наметился вполне осязаемый вектор: партийная критика коммерческих «перегибов» в области производства и распространения печати была массовой; попытки извлечения прибыли за счет спекулятивных операций, связанных с рекламой, подпиской или торговлей, все более входили в противоречие с политическими задачами. Реформирование хозяйственной отрасли было связано с потребностью в усилении контроля и централизации процессов. Вместе с тем 1925 г. был периодом внутрипартийной борьбы, за которой еще не обозначился курс на централизацию власти и полноценное строительство плановой экономики.Процесс реформирования «сверху» растянулся на несколько лет и включал в себя ряд решений, которые не всегда были последовательными, но через которые постепенно решалась задача наведения порядка в отрасли и монополизации государством процессов в ней.

Одним из важнейших решений стало создание Комитета по делам печати при Наркомате внутренней торговли. С точки зрения развития экономических процессов это был огромный шаг вперед, поскольку он означал передачу функций хозяйственного контроля от различных органов, прежде всего от Отдела печати ЦК РКП(б), к специализированной структуре с исполнительными функциями, в которой была аккумулирована существенная часть специалистов, имевших теоретический и практический опыт управления. Так, возглавил комитет А. И. Бердников[56], имевший опыт руководящей работы в Отделе печати ЦК, Госиздате и Главлите, его заместителем стал А. С. Самохвалов, возглавлявший до этого Госиздат УССР, а юрисконсультом Л. Г. Фогелевич[57], автор-составитель наиболее полных сборников по праву в области печати, выходивших в СССР в 1920–1930-е гг.

Деятельность Комитета сразу же приняла систематический характер в плане учета существующих изданий и ревизии отрасли. До того статистикой в области печати занимались Книжная палата и Главлит, деятельность которых с точки зрения учета хозяйственных процессов была откровенно неэффективной, поскольку многие данные носили номинальный характер. Комитет по делам печати занялся среди прочего ревизией контрольных цифр[58]. Процесс этот растянулся надолго, и нельзя сказать, что данные стали

исчерпывающими, однако такая систематизация способствовала существенному упорядочению процессов в отрасли.

На ближайшие несколько лет за Комитетом закрепилась функция основного органа исполнительной власти в области печати. Он стал модерирующим органом при организации взаимодействия между профильными наркоматами и ведомствами, играл ключевую роль в организации централизованного бюджетного финансирования издательской деятельности в СССР[59], в разработке первого пятилетнего плана по развитию печати[60].

Появление такого органа, впрочем, не устранило параллелизма в работе советских и партийных органов. Так, до своего упразднения в 1928 г. Отдел печати ЦК продолжал играть роль в принятии решений. Ряд крупнейших издательств и организаций, имеющих учредителями высшие органы власти СССР или республик, свои хозяйственные вопросы решали, судя по всему, минуя Комитет. Однако в целом результатом такого реформирования стало усиление роли экономических органов власти в развитии хозяйственной деятельности печати, централизация и упорядочение вопросов организации, финансирования, документооборота и многих других хозяйственных вопросов.

Во многом с деятельностью Комитета по делам печати связан переход к централизованному финансированию печати в СССР. Именно этот орган готовил сметные материалы по печати для союзного бюджета.

Переход к централизованному бюджетному финансированию отрасли был знаковым явлением, указывающим на новый этап развития отрасли. Государственное финансирование было основой развития советской печати с момента ее появления и не прекращалось даже в наиболее кризисных условиях. Однако чаще всего средства выделялись ведомственно: центральные или региональные органы власти, будучи учредителями изданий, финансировали подконтрольную печать. При этом адекватного планирования не было и нехватка средств часто покрывалась экстраординарно, за счет резервных фондов. Централизация и масштабирование финансирования означали переход к системному планированию в советской медиаэкономике. Как отмечалось в «Справке по финансированию печати по общесоюзному бюджету в 1926–27 году», «финансирование печати по бюджету 1925–26 г. осуществлялось, главным образом, за счет резервного фонда Совнаркома и выражалось в сумме 6 млн 829 тыс., из которых 425 тыс.

за недостатком средств были перенесены на 1926–27 г.»[61]. Уже в 1926–1927 бюджетном году в советском бюджете резервировались средства на развитие печати[62]. При этом финансирование распределялось между союзным и республиканскими бюджетами. Так, «в бюджете 1926–27 г. впервые появляется особый фонд финансирования печати, который в проекте бюджета определяется в 8 800 тыс. руб. и распределяется между бюджетом общесоюзным и бюджетами Союзных Республик»[63], из которых только чуть более 2,5 млн покрывалось за счет общего бюджета, а остальное – за счет регионального финансирования[64].

Соответственно, переход к централизованному планированию и финансированию потребовал перестройки редакционной политики. После 1925 г. издательства и редакции начали повсеместно переходить к формированию постоянных производственных планов, которые стали необходимостью при условии формирования государственного бюджета и твердой отчетности. Причем процесс этот был не единовременным, а растянулся на несколько лет. В документах Комитета по делам печати четко отмечалось: «В 1927/28 г. впервые был введен промфинплан. На 27/28 г. было обязано промфинпланом только 15 газетных издательства, 52 книжных издательства. На 28/29 г. уже 30 газетных издательств и 52 книжных издательства»[65]. Параллельно те же процессы происходили в полиграфической и бумажной промышленности: «1926/27 операционный год, прошедший под знаком усиления Комитетов ВСНХ и плановости в их работе, – все же не в достаточной степени отразил полиграфическую промышленность в целом. В то время как пятилетний перспективный план охватывал всю полиграфическую промышленность – контрольные цифры и промфинплан включили в себя только предприятия ВСНХ»[66]. Таким образом, переход к плановым началам в экономике печати начался уже в 1926–1927 финансовом году, то есть гораздо раньше первой пятилетки.

Еще одним характерным нововведением периода стало постепенное формирование системы издательств с планово-убыточными показателями. Чаще всего это были чувствительные в политическом плане нишевые (национальные, военные и т. п.) издательства, однако были среди них и крупнейшие советские, решения по которым могли приниматься отдельно, в зависимости от ситуации и значимости их продукции. Таким образом плановые органы пытались прекратить выпрашивание дополнительных

средств у высших органов власти[67]. Централизация финансирования позволяла, среди прочего, нивелировать «махновщину» в отношении движения капитала в отрасли.

Наконец, еще одной отличительной чертой нового периода стало развернутое во второй половине 1920-х гг. масштабное обновление основных фондов медиапредприятий. Если первая половина десятилетия прошла под знаком использования дореволюционных фондов, с постоянными попытками оптимизировать их под более-менее эффективную работу (с довольно предсказуемым результатом), то уже с середины 1920-х гг. начинается массовое строительство производственных мощностей для крупнейших советских издательств[68].

Поскольку не все они могли похвастаться экономической эффективностью, большую роль в этом процессе также играли субсидии и заемные средства. Можно говорить о системной политике государства по обновлению фондов в системе печати. Она заключалось, как правило, в передаче издательствам типографий, выдаче субсидий и ссуд на ремонт и строительство помещений, ремонт и обновление полиграфического оборудования. Документы Комитета по делам печати, да и не только они, указывают на то, что процесс этот носил достаточно массовый характер: капитальные затраты осуществляли Госиздат[69], «Молодая Гвардия»[70] «Рабочая газета»[71], «Правда», целый ряд региональных издательств[72]. В 1929 г., в частности, началось строительство знаменитого комбината печати издательства «Правда».

В целом же в течение 1920-х гг. в отрасли создавались условия, позволившие в 1930-е гг. существенно нарастить объемы производства печатной продукции в стране. Понятно, что процесс этот только начинался и был весьма сложным и неоднородным. На пути развития издательств и предприятий, с ними связанных, было множество препятствий, связанных как с фундаментальной нехваткой средств, так и с неэффективным их использованием[73].

Итак, переходный период к плановой экономике в советской печати начался уже в 1925 г. и растянулся вплоть до конца 1920 — начала 1930-х гг. Одновременно со становлением плановой экономики в отрасли продолжали функционировать элементы рыночного хозяйства. Так, несмотря на сокращение, частные предприятия в отрасли продолжали существовать до самого конца 1920-х гг. То же самое можно сказать и о коммерческой рекламе,

которая оставалась важным фактором хозяйственного развития советских издательств и в 1930-е гг.

Первую пятилетку едва ли можно считать финальным аккордом развития печати в новых условиях: те процессы, которые были запущены в отрасли ранее, принципиально не изменились после ее начала. А вот существенным образом политика в области печати изменилась к началу 1930-х, когда вновь начала меняться структура управления отраслью, в ней последовали качественные и количественные изменения. Показательным в этом смысле стало упразднение в 1931 г. Комитета по делам печати при Наркомторге, бывшего в условиях сворачивания нэпа ключевым органом управления хозяйственным развитием советской печати.

Примечания

[1] См. *Фогелевич Л. Г.* Действующее законодательство о печати. Систематический сборник. 2-е изд. М.: Изд-во Наркомторгов РСФСР и СССР РСФСР, 1929.

[2] См. например: Болезни нашего печатного дела. По данным обследования ЦКК и НК РКИ. М.: Изд. НК РКИ., 1924; Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968 .

[3] РГАЭ. Ф. 7927. Оп. 1. Д. 35. Лл. 11–12.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 842.

[5] Декрет СНК «Об отмене денежных расчетов за произведения печати // Известия ВЦИК № 98 от 28.04.1921.

[6] Декрет СНК РСФСР «О введении платности газет». Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1228.htm (дата обращения: 3.03.2017).

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 853. Л. 1.

[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 917. Л. 12.

[9] Там же. Д. 850–851.

[0] Там же. Д. 851. Лл. 1–72.

[11] Например, минская газета «Звезда» почти полностью окупалась на начало апреля 1922 г., однако другие газеты в Белоруссии были убыточными: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 851. Л. 5.

[12] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 147. Л. 10.

[13] См., напр.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 899.

[14] См.: в «Сводка о положении печати по РСФСР по материалам подотдела учета местного опыта ЦК РКП/б/» РГАСПИ. Ф. 17 Оп. 60. Д. 147.

[15] См., напр.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 845. В деле содержится несколько любопытных писем и телеграмм Агитпропа или в Агитпроп с описанием бедственного положения с доставкой.

[16] Одиннадцатый съезд РКП/б/ март–апрель 1922 г. Стенографический отчет. М., 1961. С. 570.

[17] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 147. Л. 4.

[18] Так, в частности, в документах зафиксирован случай, когда осенью 1922 г. в Царицынской губернии рабочие, отработавшие сверхурочно в фонд выписки газет, отказались от дальнейшей подписки в силу их несвоевременного поступления.

См.: «Сводка о положении печати по РСФСР по материалам подотдела учета местного опыта ЦК РКП(б)» РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 147.

[19] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 147. Л. 3.

[20] Там же. Лл. 3–4.

[21] Там же. Л. 1.

[22] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 899. Л. 19.

[23] РГАСПИ. Ф. 572. Оп. 1. Д. 8. Л. 111.

[24] РГАЭ. Ф. 7927. Оп. 1. Д. 192. Л. 18.

[25] Там же. Л. 34.

[26] Там же. Л. 40.

[27] По материалам РГАСПИ. Ф.17. Оп. 60. Д. 929. В примечаниях отдельно отмечено, что прибыль газет «Гудок» и «Экономическая жизнь» получается только при учете субсидий. Без них газеты в этот период были убыточными.

[28] Результаты по газете «Экономическая жизнь» Агитпропом посчитаны некорректно, поскольку конечные цифры не совпадают.

[29] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 891. Л. 8.

[30] Там же.

[31] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 870. Л. 15.

[32] ГАРФ. Ф. р-1244. Оп. 5. Д. 2. Л. 3.

[33] Там же. С. 23.

[34] Там же. Лл. 1–102.

[35] РГАСПИ. Ф. 572. Оп. 1. Д. 8. Лл. 132–133.

[36] ГАРФ. Ф. р374. Оп. 12. Д. 78. Лл. 9–15.

[37] ГАРФ. Ф. р374. Оп. 27. Д. 373. Л. 5.

[38] РГАСПИ. Ф. 572. Оп. 1. Д. 8. Л. 125; ГАРФ. Ф. р374. Оп. 27. Д. 373. Л. 129 и др.

[39] ГАРФ. Ф. р374. Оп. 8. Д. 373. Лл. 37–38.

[40] См. ГАРФ. Ф. р374. Оп. 8. Д. 405. Лл. 1–2; РГАСПИ. Ф. 572. Оп. 1. Д. 8. Лл. 110–125 и др.

[41] ГАРФ. Ф. р374. Оп. 27. Д. 373. Л. 15.

[42] ГАРФ. Ф. р374. Оп. 8. Д. 373. Лл. 15–20; ГАРФ. Ф. р374. Оп. 8. Д. 405. Лл. 1–2об.

[43] Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 г. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1963. С. 125.

[44] ГАРФ. Ф. р1244. Оп. 4. Д. 1. Л. 1.

[45] Резолюция Пленума ЦК ВКП(б), апрель 1926 г. О хозяйственном положении и хозяйственной политике // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: сб. док. за 50 лет. Т. 1. 1917–1928 гг. М.: Политиздат, 1967. С. 210.

[46] Постановление ЦИК и СНК от 11 июня 1926 года «О режиме экономии» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т.: сб. док. за 50 лет. Т. 1. 1917–1928 гг. М.: Политиздат, 1967. С. 204.

[47] Там же.

[48] ГАРФ. Ф. р374. Оп. 8. Д. 373. Лл. 41–50.

[49] Там же. Оп. 12. Д. 1123, 1226.

[50] Там же. Д. 192. Л. 36.

[51] Там же. Л. 34.

[52] Там же. Л. 40.

[53] Там же.

[54] Там же.

[55] ГАРФ. Ф. р374. Оп. 28. Д. 3288. Лл. 1–2.

[56] РГАЭ. Ф. 7927. Оп. 1. Д. 6. Л. 107.

[57] Там же.

[58] См., напр.: РГАЭ. Ф. 7927. Оп. 1. Д. 192.

[59] ГАРФ. Ф. р5684. Оп. 1. Д. 366.
[60] РГАЭ. Ф. 7927. Оп. 1. Д. 101.
[61] ГАРФ. Ф. р5684. Оп. 1. Д. 366. Л. 472.
[62] Там же. Л. 3.
[63] Там же. Л. 472.
[64] Там же. Лл. 2–6.
[65] РГАЭ. Ф. 7927. Оп. 1. Д. 101. Л. 2.
[66] Там же. Д. 93. Л. 9.
[67] Там же. Оп. 1. Д. 22. Л. 41.
[68] ГАРФ. Ф. р1244. Оп. 4. Д. 1. Лл. 34–37.
[69] РГАЭ. Ф. 7927. Оп. 1. Д. 78. Л. 45.
[70] ГАРФ. Ф. р5684. Оп. 1. Д. 366. Л. 24.
[71] РГАЭ. Ф. 7927. Оп. 1. Д. 23. Лл. 23–24.
[72] Там же. Д. 78. Лл. 22–24; Лл. 46–51.
[73] Там же. Д. 93. Л. 10.

Библиография

Бабюк М. И. Финансово-экономические аспекты функционирования газеты «Труд» в первые годы НЭПа // Вестник Мовсковского университета. Серия 10. Журналистика. 2016. № 4. С. 43–60.

Бабюк М. И. Экономические аспекты развития издательства «Известия» в 1920-х годах // Вестник Мовсковского университета. Серия 10. Журналистика. 2018. № 4. С. 55–81.

Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР (1927–1941). М.: Политическая энциклопедия, 2017.

Валентинов Н. НЭП и кризис партии. Нью-Йорк: Телекс, 1991.

Вардин И. Советская печать: сб. статей. М.: Работник Просвещения, 1924.

Гольдфарб С. И., Гимельштейн А. В. Иркутская газета «Власть труда»: опыт историко-экономической реконструкции (1917–1930). Иркутск: Иркутская областная типография № 1, 2006.

Грик Н. А. Рекламные объявления в томской губернской газете «Красное знамя» в 1921–1925 гг. и становление товарно-денежных отношений // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 66–71.

Жирков Г. В. Журналистика периода великого эксперимента: НЭП (1921–1927). М.: Флинта, 2021.

Кузнецов И. В., Фингерит Е. М. Газетный мир Советского Союза. 1917–1970 гг. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.

Мещеряков Л. О частных издательствах // Печать и революция. 1922. № 3 (6). С. 128–134.

Нюрнберг И. И. Современное хозяйственное положение советской печати // Газетный и журнальный мир. Вып. 2. Ч. 1. М.: Двигатель, 1925. С. 23–34.

Овсепян Р. П. История советской журналистики: Первое десятилетие советской власти. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.

Овсепян Р. П. История новейшей отечественной журналистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005.

Петров Б. М. Из истории становления местной печати Брянского края (1922–1929) // Вестник Брянского государственного университета. 2009. № 2. С.144–155.

Попова В. В. К вопросу о частных издательствах в Советском государстве (1917–1937) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2001. № 4. С. 123–130.

Россия нэповская / под ред. *С. А. Павлюченкова.* М.: Новый хронограф, 2002.

Срединский С. Газетно-издательское дело: основные вопросы газетного хозяйства. М.: ГИЖ, 1924.

Тавровский Л. Развитие газетной сети в 1924–1925 гг. Справка // Газетный и журнальный мир. Вып. 2. Ч. 1. М.: Двигатель, 1925. С.113–116.

Notes

Bolezni nashego pechatnogo dela. Po dannym obsledovaniya TsKK i NK RKI. M. Izd. NK RKI., 1924; Dvenadtsatiy s"ezd RKP(b). 17–25 aprelya 1923 g. Stenograficheskiy otchet. M.: Politizdat, 1968.

Dekret SNK «Ob otmene denezhnyh raschetov za proizvedeniya pechati // Izvestiya VTsIK № 98 ot 28.04.1921.

Dekret SNK RSFSR «O vvedenii platnosti gazet» // Izvestiya VTsIK № 275 ot 07.12.1921.

Odinnadtsatyi s"ezd RKP/b/ mart-aprel' 1922 goda. Stenograficheskiy otchet. M., 1961, s. 570.

Postanovlenie TsIK i SNK ot 11 iyunya 1926 goda «O rezhime ekonomii» // Resheniya partii i pravitel'stva po hozyaystvennym voprosam: v 5 t.: Sb. dok. za 50 let. T. 1. 1917–1928 gg. M.: Politizdat, 1967, s. 204.

Rezolyutsiya Plenuma TsK VKP(b), aprel' 1926 g. O hozyajstvennom polozhenii i hozyajstvennoj politike // Resheniya partii i praviRtel'stva po hozyajstvennym voprosam. V 5 t.: Sb. dok. za 50 let. T. 1. 1917–1928 gg. M.: Politizdat, 1967, s. 210.

Trinadtsatyi s"ezd RKP(b). Mai 1924 goda. Stenograficheskiy otchet. M.: Gospolitizdat, 1963, s. 125.

Fogelevich L. G. Deystvuyushchee zakonodatel'stvo o pechati. Sistematicheskii sbornik. 2-e izd. M.: Izd-vo Narkomtorgov RSFSR i SSSR RSFSR, 1929.

GARF. F. R-374. Op. 12. D. 78. L. 9–15 [State Archive of the Russian Federation. F. R-374. Inv. 12. File. 78. Sh. 9–15].

GARF. F. R-374. Op. 27. D. 373. L. 5 [State Archive of the Russian Federation. F. R-374. Inv. 12. File. 78. Sh. 9–15].

GARF. F. R-374. Op. 27. D. 373. L. 129 [State Archive of the Russian Federation. F. R-374. Inv. 27. File. 78. Sh. 9–15].

GARF. F. R-374. Op. 27. D. 373 L. 37–38 [State Archive of the Russian Federation. F. R-374. Inv. 8. File. 373. Sh. 37–38].

GARF. F. R-374. Op. 27. D. 373. L. 15 [State Archive of the Russian Federation. F. R-374. Inv. 8. File. 373. Sh. 15].

GARF. F. R-374. Op. 27. D. 373. L. 15–20 [State Archive of the Russian Federation. F. R-374. Inv. 8. File. 373. Sh. 15–20].

GARF. F. R-374. Op. 27. D. 373. L. 41–50 [State Archive of the Russian Federation. F. R-374. Inv. 8. File. 373. Sh. 41–50].

GARF. F. R-374. Op. 8. D. 405. L. 1–2ob. [State Archive of the Russian Federation. F. R-374. Inv. 8. File. 405. Sh. 1–2b].

GARF. F. R-374. Op. 12. D. 1123 [State Archive of the Russian Federation. F. R-374. Inv. 12. File. 1123].

GARF. F. R-374. Op. 12. D. 1126 [State Archive of the Russian Federation. F. R-374. Inv. 12. File. 1126].

GARF. F. R-374. Op. 28. D. 3288. L. 1–2 [State Archive of the Russian Federation. F. R-374. Inv. 28. File. 3288. Sh. 1–2].

GARF. F. R-1244. Op. 4. D. 1. L. 1 [State Archive of the Russian Federation. F. R-1244. Inv. 4. File. 1. Sh. 1].

GARF. F. R-1244. Op. 4. D. 1. L.34–37 [State Archive of the Russian Federation. F. R-1244. Inv. 4. File. 1. Sh. 34–37].

GARF. F. R-1244. Op. 5. D. 2. L. 3 [State Archive of the Russian Federation. F. R-1244. Inv. 5. File. 2. Sh. 3].

GARF. F. R-1244. Op. 5. D. 2. L. 23 [State Archive of the Russian Federation. F. R-1244. Inv. 5. File. 2. Sh. 23].

GARF. F. R-1244. Op. 5. D. 2. L. 1–102 [State Archive of the Russian Federation. F. R-1244. Inv. 5. File. 2. Sh. 1–102].

GARF. F. R-5684. Op. 1. D. 366. L. 24 [State Archive of the Russian Federation. F. R-5684. Inv. 1. File. 366. Sh. 24].

GARF. F. R-5684. Op. 1. D. 366. L. 3 [State Archive of the Russian Federation. F. R-5684. Inv. 1. File. 366. Sh. 3].

GARF. F. R-5684. Op. 1. D. 366. L. 472 [State Archive of the Russian Federation. F. R-5684. Inv. 1. File. 366. Sh. 472].

GARF. F. R-5684. Op. 1. D. 366. L. 2–6 [State Archive of the Russian Federation. F. R-5684. Inv. 1. File. 366. Sh. 2–6].

GARF. F. R-5684. Op. 1. D. 366 [State Archive of the Russian Federation. F. R-5684. Inv. 1. File. 366].

RGAE. F. 7927. Op. 1. D. 22. L. 41 [Russian State Archive of Economics. F. 7927. Inv. 1. File. 22. Sh. 41].

RGAE. F. 7927. Op. 1. D. 23. L. 23–24 [Russian State Archive of Economics. F. 7927. Inv. 1. File. 23. Sh. 23–24].

RGAE. F. 7927. Op. 1. D. 35. L. 11–12 [Russian State Archive of Economics. F. 7927. Inv. 1. File. 35. Sh. 11–12].

RGAE. F. 7927. Op. 1. D. 78. L. 22–24 [Russian State Archive of Economics. F. 7927. Inv. 1. File. 78. Sh. 22–24].

RGAE. F. 7927. Op. 1. D. 78. L. 45 [Russian State Archive of Economics. F. 7927. Inv. 1. File. 78. Sh. 45].

RGAE. F. 7927. Op. 1. D. 93. L. 9 [Russian State Archive of Economics. F. 7927. Inv. 1. File. 93. Sh. 9].

RGAE. F. 7927. Op. 1. D. 93. L. 10 [Russian State Archive of Economics. F. 7927. Inv. 1. File. 93. Sh. 10].

RGAE. F. 7927. Op. 1. D. 101 [Russian State Archive of Economics. F. 7927. Inv. 1. File. 101].

RGAE. F. 7927. Op. 1. D. 101. L. 2 [Russian State Archive of Economics. F. 7927. Inv. 1. File. 101. Sh. 2].

RGAE. F. 7927. Op. 1. D. 6. L. 107 [Russian State Archive of Economics. F. 7927. Inv. 1. File. 6. Sh. 107].

RGAE. F. 7927. Op. 1. D. 192 [Russian State Archive of Economics. F. 7927. Inv. 1. File. 192].

RGAE. F. 7927. Op. 1. D. 192. L. 18 [Russian State Archive of Economics. F. 7927. Inv. 1. File. 192. Sh. 18].

RGAE.. F. 7927. Op. 1. D. 192. L. 34 [Russian State Archive of Economics. F. 7927. Inv. 1. File. 192. Sh. 34].

RGAE. F. 7927. Op. 1. D. 192. L. 36 [Russian State Archive of Economics. F. 7927. Inv. 1. File. 192. Sh. 36].

RGAE. F. 7927. Op. 1. D. 192. L. 40 [Russian State Archive of Economics. F. 7927. Inv. 1. File. 192. Sh. 40].

RGASPI. F. 17. Op. 60. D. 842 [Russian State Archive of Socio-Political Histor.y F. 17. Inv. 60.

RGASPI. F. 17. Op. 60. D. 853. L. 1 [Russian State Archive of Socio-Political History. F. 17. Inv. 60.

RGASPI. F. 17. Op. 60. D. 917. L. 12 [Russian State Archive of Socio-Political History. F. 17. Inv. 60.

RGASPI. F. 17. Op. 60. D. 850–851 [Russian State Archive of Socio-Political History. F. 17. Inv. 60.

RGASPI. F. 17. Op. 60. D. 851. L. 1–72 [Russian State Archive of Socio-Political History. F. 17. Inv. 60.

RGASPI. F. 17. Op. 60. D. 851. L. 5 [Russian State Archive of Socio-Political History. F. 17. Inv. 60.

RGASPI. F. 17. Op. 60. D. 147. L. 10 [Russian State Archive of Socio-Political History. F. 17. Inv. 60.

RGASPI. F. 17. Op. 60. D. 899 [Russian State Archive of Socio-Political History. F. 17. Inv. 60.

RGASPI. F. 17. Op. 60. D. 147 [Russian State Archive of Socio-Political History. F. 17. Inv. 60.

RGASPI. F. 17. Op. 60. D. 845 [Russian State Archive of Socio-Political History. F. 17. Inv. 60.

RGASPI. F. 17. Op. 60. D. 147. L. 4 [Russian State Archive of Socio-Political History. F. 17. Inv. 60.

RGASPI. F. 17. Op. 60. D. 147 [Russian State Archive of Socio-Political History. F. 17. Inv. 60.

RGASPI. F. 17. Op. 60. D. 147. L. 3 [Russian State Archive of Socio-Political History. F. 17. Inv. 60.

RGASPI. F. 17. Op. 60. D. 147. L. 3–4 [Russian State Archive of Socio-Political History. F. 17. Inv. 60.

RGASPI. F. 17. Op. 60. D. 147. L. 1 [Russian State Archive of Socio-Political History. F. 17. Inv. 60.

RGASPI. F. 17. Op. 60. D. 870. L. 15 [Russian State Archive of Socio-Political History. F. 17. Inv. 60.

RGASPI. F. 17. Op. 60. D. 891. L. 8 [Russian State Archive of Socio-Political History. F. 17. Inv. 60.

RGASPI. F. 17. Op. 60. D. 891. L. 8 [Russian State Archive of Socio-Political History. F. 17. Inv. 60.

RGASPI. F. 17. Op. 60. D. 899. L. 19 [Russian State Archive of Socio-Political History. F. 17. Inv. 60.

RGASPI. F. 17. Op. 60. D. 929 [Russian State Archive of Socio-Political History. F. 17. Inv. 60.

RGASPI. F. 572. Op. 1. D. 8. L. 111 [Russian State Archive of Socio-Political History. F. 17. Inv. 60.

RGASPI. F. 572. Op. 1. D. 8. L. 125 [Russian State Archive of Socio-Political History. F. 17. Inv. 60.

RGASPI. F. 572. Op. 1. D. 8. L. 110–125 [Russian State Archive of Socio-Political History. F. 17. Inv. 60.

RGASPI. F. 572. Op. 1. D. 8. L. 132–133 [Russian State Archive of Socio-Political History. F. 17. Inv. 60.

References

Babyk M. I. (2016) Finansovo-ekonomicheskie aspekty funktsionirovaniya gazety "Trud" v pervye gody NEPa [Financial and economic aspects of the functioning of the newspaper *Trud* in the early years of the NEP]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* 4: 43–60. (In Russian)

Babyk M. I. (2018) Ekonomicheskie aspekty razvitiya izdatel'stva «Izvestiya» v 1920-kh godakh [Economic aspects of the development of the *Izvestiya* publishing house in the 1920s]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* 4: 55–81. (In Russian)

Brandenberger D. (2017) *Krizis stalinskogo agitpropa: propaganda, politprosvetshchenie i terror v SSSR (1927–1941)* [The crisis of Stalinist agitprop: propaganda, political education, and terror in the USSR (1927–1941)]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. (In Russian)

Goldfarb S. I., Gimelshtein A. V. (2006) *Irkutskaya gazeta «Vlast' truda»: opyt istoriko-ekonomicheskoy rekonstruktsii (1917–1930)* [The Irkutsk newspaper "Vlast' Truda": an attempt at historical and economic reconstruction (1917–1930)]. Irkutsk: Irkutskaya oblastnaya tipografiya No. 1. (In Russian)

Grik N. A. (2016) Reklamnye ob'yavleniya v tomskoy gubernskoy gazete «Krasnoe znamya» v 1921–1925 gg. i stanovlenie tovarno-denezhnykh otnosheniy [Advertising in the Tomsk provincial newspaper "Krasnoe znamya" in 1921–1925 and the formation of commodity-money relations]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta* 408: 66–71. (In Russian)

Kuznetsov I. V., Fingerit E. M. (1972) *Gazetnyy mir Sovetskogo Soyuza. 1917–1970 gg.* [The newspaper world of the Soviet Union. 1917–1970]. Moscow: Moscow Univ Publ. (In Russian)

Meshcheryakov L. (1922) O chastnykh izdatel'stvakh [On private publishing houses]. *Pechat' i revolyutsiya* 3(6): 128–134. (In Russian)

Nyurnberg I. I. (1925) Sovremennoe khozyaystvennoe polozhenie sovetskoy pechati [The current economic situation of the Soviet press]. In *Gazetnyy i zhurnal'nyy mir*. Issue 2. Part 1. Moscow: Dvigatel Publ. Pp. 23–34. (In Russian)

Ovsepyan R. P. (1991) *Istoriya sovetskoy zhurnalistiki: Pervoe desyatiletie sovetskoy vlasti* [History of Soviet journalism: The first decade of Soviet power]. Moscow: Moscow Univ Publ. (In Russian)

Ovsepyan R. P. (2005) *Istoriya noveishey otechestvennoy zhurnalistiki* [History of modern Russian journalism]. Moscow: Moscow Univ Publ. (In Russian)

Petrov B. M. (2009) Iz istorii stanovleniya mestnoy pechati Bryanskogo kraya (1922–1929) [From the history of the formation of the local press in the Bryansk region (1922–1929)]. *Vestnik Bryanskogo Gosudarstvennogo Universiteta* 2: 144–155. (In Russian)

Popova V. V. (2001) K voprosu o chastnykh izdatel'stvakh v Sovetskom gosudarstve (1917–1937) [On the issue of private publishing houses in the Soviet state (1917–1937)]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 11. Pravo* 4: 123–130. (In Russian)

Pavlyuchenkova S.A. (ed.) (2002) *Rossiya nepovskaya* [NEP Russia]. Moscow: Novyy khronograf Publ. (In Russian)

Sredinsky S. (1924) *Gazetno-izdatel'skoe delo: osnovnye voprosy gazetnogo khozyaystva* [Newspaper publishing: key issues of newspaper management]. Moscow: GIZH Publ. (In Russian)

Tavrovsky L. (1925) Razvitie gazetnoy seti v 1924–1925 gg. Spravka [Development of the newspaper network in 1924–1925. A report]. In *Gazetnyy i zhurnal'nyy mir*. Issue 2. Part 1. Moscow: Dvigatel Publ. Pp. 113–116. (In Russian)

Valentinov N. (1991) *NEP i krizis partii* [NEP and the party crisis]. New York: Telex. (In Russian)

Vardin I. (1924) *Sovetskaya pechat'. Sb. statey* [Soviet press. Collection of articles]. Moscow: Rabotnik Prosveshcheniya Publ. (In Russian)

Zhirkov G. V. (2021) *Zhurnalistika perioda velikogo eksperimenta: NEP* (1921–1927) [Journalism of the great experiment period: NEP (1921–1927)]. Moscow: Flinta Publ. (In Russian)

Поступила в редакцию
07.06.2024